Кельце-1946. Реален ли советский след в деле о самом кровавом погроме в послевоенной истории

Похороны жертв погрома в Кельце

Погром в Кельце. Самый кровавый из послевоенных еврейских погромов, в ходе которого было убито более 40 человек и около 50-ти получили увечья… Казалось бы, ход трагедии восстановлен по минутам, известны (или назначены?) виновные, увековечена память жертв, и все же вопросы остаются. И чтобы ответить хотя бы на часть из них, полезно понимать контекст событий.

На 1 сентября 1939 года в Польше жили 3,3 миллиона евреев, которые, в отличие от соплеменников в СССР, более или менее представляли, что ждет

их при нацистском режиме. Отсюда и колонны еврейских беженцев, потянувшиеся на восток. Вначале советские власти не препятствовали польским евреям, потом закрыли границы, а иногда даже высылали их обратно — на территорию, занятую немцами. Тем не менее на территории Страны Советов оказалось более 300 000 евреев из Польши.

В июне 1940-го начались масштабные депортации «социально-опасных элементов» и беженцев, среди которых было 82 — 84 % евреев. Так, около 100 тысяч еврейских беженцев были высланы в северные районы Советского Союза, что многим спасло жизнь, хотя чекисты и не ставили такой задачи. По окончании войны этим спецпереселенцам, как и тем, кто не подвергся высылке, было разрешено репатриироваться в Польшу. К лету 1946 года в стране зарегистрировались 250 тысяч евреев — 25 тысяч из них уцелели в самой Польше, 30 тысяч вернулись из лагерей, а остальные были репатриантами из СССР. Возвращение проходило отнюдь не гладко, и причин тому множество — от нежелания соседей возвращать присвоенное во время войны имущество до отождествления евреев с «чужой властью», ведь из триумвирата Берут — Берман — Минц, управлявшего страной до середины 1950-х, поляком был только Берут… При этом, из Польши выдавливались и другие этнические меньшинства — в первую очередь, украинцы и немцы. Что касается евреев, то с ноября 1944 года по декабрь 1945-го был убит 351 человек, главным образом, в маленьких местечках и на дорогах. Иногда евреев просто сбрасывали с поезда на полном ходу, о чем писал Юлиан Тувим. 11 августа 1945 года в ходе погрома в Кракове погиб один человек, пятеро были тяжело ранены.

Но все это были цветочки по сравнению с тем, что произошло в Кельце 4 июля 1946 года. До войны треть населения этого города — 25 000 человек — были евреями. После Холокоста вернулось около 250 человек, большинство которых жили в доме на улице Планты, 7, где находился Еврейский комитет города.

Тот самый дом на улице Планты. Фото: Ghetto Fighters' House Museum

Поводом для начала погрома стало исчезновение 1 июля 1946 года восьмилетнего мальчика Генрика Блашчика. Его отец — сапожник — заявил в милицию, но два дня спустя — вечером 3-го июля — ребенок вернулся. В ту же ночь сильно пьяный отец снова явился в отделение милиции, где сообщил офицерам, что его сына похитили евреи и держали в подвале, откуда он сбежал (позже выяснилось, что мальчик был отослан в деревню, где его научили, что рассказывать). Генрик показал сотрудникам милиции дом, в котором его якобы держали.

На следующее утро начался страшный погром, унесший жизни 42 человек, в том числе детей и беременных женщин. Вину возложили на местных хулиганов и антикоммунистическое подполье. Уже 9 июля 1946 года перед участниками выездной сессии Верховного военного суда предстали двенадцать обвиняемых. 11 июля к смертной казни были приговорены девять обвиняемых, по одному — к пожизненному заключению, к десяти годам и к семи годам тюрьмы. Глава ПНР Болеслав Берут не воспользовался своим правом помилования…

Во время похорон жертв министр Общественной безопасности Станислав Радкевич заявил, что «погром был работой эмиссаров польского правительства на Западе и генерала Андерса при поддержке боевиков Армии Крайовой». «Польские фашисты, те самые люди, которые с таким энтузиазмом смотрят на Миколайчика (бывший глава правительства Польши в изгнании, — прим. ред.) …наконец осознали ужасы, совершенные убийцами Гитлера», — подчеркнул генсек Польской рабочей партии Владислав Гомулка.

Польские фашисты? Боевики АК? Что же произошло на самом деле 4 июля 1946 года в этом городке в 170 километрах к югу от Варшавы? Утром того дня большой патруль сотрудников милиции направился к дому №7 на улице Планты, сообщая прохожим, куда они идут и зачем. Не удивительно, что вскоре перед зданием собралась жаждущая крови толпа. Около 10 часов утра дом окружили отряды Польской народной армии и Корпуса внутренней безопасности, которые, однако, не предпринимали никаких попыток рассеять враждебную толпу. Как свидетельствовал помощник главы Еврейского комитета Альперт, солдаты открыли огонь по окнам дома, после чего выбили дверь, допросили жителей и конфисковали у них все оружие, несмотря на имевшиеся разрешения. Потом эти же солдаты начали стрелять по обитателям дома, в результате чего был убит глава Еврейского комитета Кахане.

Министр Общественной безопасности Польши Станислав Радкевич

Глава Управления общественной безопасности Кельце майор Собчинский

Все это время глава Управления общественной безопасности города майор Владислав Собчинский не предпринимал никаких мер. В полдень на место происшествия приехал окружной прокурор Ян Вжещ, но военные не позволили ему пройти и отказались разогнать толпу. Двум местным священникам солдаты тоже не разрешили обратиться к людям. Когда к дому прибыло новое армейское подразделение, то, после выстрелов в воздух, удалось восстановить некоторый контроль над ситуацией. Сотрудники Народной милиции начали доставлять убитых и раненых евреев в городскую больницу.

К полудню у здания собралось около двух тысяч человек, вопивших «Смерть евреям!» и «Завершим работу Гитлера!». Сержант милиции Владислав Блахут потребовал от жильцов дома выйти на улицу, но, получив отказ, стал бить их рукояткой револьвера по головам, крича: «Немцы не успели уничтожить вас, но мы закончим их работу».

Около 12:30 примерно двести рабочих сталелитейного завода «Huta Ludwikow», вооруженные металлическими трубами, палками и камнями, прорвав оцепление, ворвались в дом и начали убивать евреев. Тогда погибло более двадцати человек, а антиеврейское насилие охватило весь город. Несколько поляков, которых приняли за евреев, тоже стали жертвами погромщиков. Еще три католика погибли, пытаясь защитить еврейских соседей. Лишь через несколько часов майор Собчинский собрал еврейские семьи из разных районов города и доставил их в штаб Народного ополчения. Охрана была выставлена у всех больниц, куда доставили жертв погрома, поскольку и там стали собираться агрессивные толпы. К вечеру в Кельце прибыли дополнительные военные подразделения, в городе ввели комендантский час. В тот же день было арестовано более ста участников погрома, в том числе 34 солдата и офицера Польской народной армии и 6 должностных лиц Управления общественной безопасности. Около шести вечера погром прекратился. Все оставшиеся в городе евреи, включая раненых, на следующий день были эвакуированы Центральным комитетом польских евреев в Варшаву в бронированном и охраняемом поезде.

Траурная процессия по дороге к кладбищу

Итак, участие в погроме солдат и милиционеров, в том числе офицеров МВД и

министерства Общественной безопасности, — факт доказанный. Но есть версия и о том, что трагедия была инспирирована советскими компетентными органами. Об этом упоминает в своей автобиографической книге узник Освенцима и бывший высокопоставленный офицер польской контрразведки Михал (Моше) Хенчинский, эмигрировавший после событий 1968 года в Соединенные Штаты. В подтверждение своей версии он пишет, что «за несколько дней до погрома в Кельце в качестве советника прибыл Михаил Александрович Демин, офицер советской разведки высокого ранга…» Михаил Александрович специализировался на «еврейском вопросе» и в 1964 году был командирован в Тель-Авив в качестве резидента под дипломатическим прикрытием — официально он занимал должность торгового атташе посольства СССР. Хенчинский утверждает, что именно Демин был куратором Собчинского, который по странному совпадению до назначения в Кельце был главой Управления общественной безопасности в Жешуве, где в июне 1945 года тоже произошел еврейский погром и тоже при полной пассивности местных чекистов.

Так кто он, Владислав Собчинский? Коммунист с 7-классным образованием, политзаключенный, в начале войны бежавший в СССР, где окончил школу НКВД под Смоленском, стал кадровым офицером и был переброшен осенью 1944-го через линию фронта в Люблин. Служба в госбезопасности вполне сочеталась в майоре с антисемитскими взглядами — отсутствие реакции на погромы в Жешуве и Кельце сошло ему с рук, но в 1952-м его все-таки уволили из органов. Слишком уж серьезным был повод — чекиста обвинили в убийстве евреев в бытность офицером Армии Людовой. Так главе Бюро загранпаспортов Министерства общественной безопасности пришлось расстаться с должностью, хотя через несколько лет служаке подыскали теплое место военного атташе ПНР в Болгарии.

Но все это было потом, а в середине 1940-х Собчинский был очень восприимчив к идее погромов, которые можно было приписать противникам «народной власти». Это было на руку и его советским боссам. Хенчинский откровенно пишет, что главными бенефициарами погрома в Кельце стали Советы. «Антисемитские выступления в Польше послужили поводом для усиления контроля над польским аппаратом госбезопасности, продемонстрировав, что поляки и даже польские коммунисты не способны самостоятельно поддерживать порядок в своей стране. […] Более того, этим

оправдывались все политические репрессии как необходимая мера для подавления антисемитских настроений среди населения». Конец цитаты.

Не надо забывать, что шел 1946-й год, и Сталин, по мнению Хенчинского, пытался представить Польшу как страну, склонную к анархии, оккупация которой пресекла бы антисемитскую вакханалию. После Катастрофы это был серьезный аргумент, недаром Молотов, выступая вскоре после погрома на встрече министров иностранных дел четырех великих держав, упомянул о трагедии в Кельце в оправдание захвата Польши…

Еще одно совпадение, которое, возможно, не было случайным. 1 июля, то есть за три дня до погрома, международный трибунал в Нюрнберге приступил к слушаниям по делу об убийстве польских военнопленных в Катыни. Как известно, советские обвинители пытались вменить это преступление НКВД в вину нацистам. Лишь в 1990-м году СССР признал ответственность за расстрел польских офицеров. А в июле 1946-го погром в Кельце как нельзя кстати отвлекал внимание от Нюрнберга, выставляя поляков в крайне неприглядном свете — как погромщиков и антисемитов, не заслуживающих сострадания.

Коммунистический постер в преддверии всенародного референдума

Были и внутриполитические причины, превращавшие еврейский погром в удобный громоотвод для новой власти. 30 июня 1946 года в Польше прошел референдум, определивший будущую ориентацию страны. Формально коммунисты и их союзники одержали верх, но нарушения в ходе голосования и многочисленные подтасовки его результатов были очевидны. Поэтому кровавый погром, приписанный оппозиции, с одной стороны компрометировал демократические силы, а с другой — просто переключал фокус общественного внимания.

На следующий день после погрома на улицах Кельце появились объявления якобы от имени различных профсоюзов, но с многочисленными грамматическими и стилистическими ошибками, выдававшими плохое знание польского языка. Все они были направлены против оппозиции и изобиловали советскими клише.

К советскому следу погрома в Кельце склоняются и один из ведущих специалистов по новейшей истории Польши Тадеуш Пиотровский, профессор,

глава ученого совета Варшавского университета Станислав Краевский (Абель Кайнер), известный польский поэт, коммунист, арестованный НКВД в 1940-м Александр Ватт и священник епархии в Кельце, профессор богословских наук Ян Следжановский.

Характерно, что первая историческая публикация на эту тему вышла лишь в 1981 году в оппозиционном еженедельнике «Солидарность». В 1988-м пожаром были уничтожены сотни документов из архива Управления общественной безопасности в Кельце, что затруднило работу исследователей. Тем не менее в начале 1990-х Институт национальной памяти Польши расследовал обстоятельства погрома и не нашел доказательств причастности советской стороны к сознательному провоцированию насилия. Это не отменяет факта, что погром был выгоден Москве, но академическая честность не позволяет предъявлять кому-либо обвинения, не подкрепленные документами. Правда, ряд материалов по данному делу хранится в архиве ФСБ, и они до сих пор засекречены, что оставляет поле для дискуссии.

Дом №7 на улице Планты с фотографиями убитых здесь евреев, 2000-е годы

На сегодняшний день одной из главных версий остается стихийный погром, к которому присоединились сотрудники спецслужб, что вполне согласуется с

линией поведения Собчинского. Антисемитские настроения в среде местного населения отрицать сложно, видимо, это был момент редкого единения власти с народом. То, что он был на руку советским кураторам и позволял переложить ответственность за трагедию на оппозицию, — другой вопрос.

Для евреев Польши погром в Кельце расставил точки над «i». Если с июля 1945 года по июль 1946-го около 50 000 евреев выехали из страны, то сразу после погрома — в июле 1946 года — эмигрировали порядка 20 000 человек, в августе их число возросло до 30 000, а в сентябре Польшу покинули еще 20 000 евреев. Был издан указ, позволявший евреям легально эмигрировать из страны без получения разрешений на выезд. Начиналась предпоследняя глава в летописи евреев Польши. Последняя наступит в марте 1968-го, впрочем, это уже совсем другая история…

Вениамин Чернухин, специально для «Хадашот»